

С. А. Гладких (Котлас)

МОРЯКИ СОЛЬВЫЧЕГОДСКОГО УЕЗДА – УЧАСТНИКИ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 гг.

Сольвычегодский уезд Вологодской губернии к началу XX столетия охватывал площадь в 37 253 квадратных версты, имея, по данным Всероссийской переписи 1897 года, численность населения 120 238 человек, и занимал по площади – третье, по численности населения – шестое, а по плотности населения – восьмое место среди десяти уездов губернии [1]. Уезд включал в свой состав 26 волостей, уездный город Сольвычегодск и заштатный город Красноторск. В XX веке административные границы этого региона существенно изменились, и ныне на территории бывшего Сольвычегодского уезда находятся Вилегодский, Верхнетоемский, Красноторский, частично Котласский и Ленский районы Архангельской области.

Располагался Сольвычегодский уезд вдоль берегов крупных судоходных рек – Северной Двины и Вычегды, что обусловило традиционно высокие цифры призыва в российский военно-морской флот из этого региона. Все зачисленные в военно-морские силы призывники Вологодской губернии в то время попадали на Балтийский флот, а поскольку из его состава комплектовались русские эскадры Тихого океана, многим сольвычегодцам довелось оказаться на Дальнем Востоке и принять участие в Русско-японской войне 1904–1905 гг.

Для поиска информации об этих людях были привлечены документы Российского государственного архива Военно-морского флота, Государственных архивов Архангельской и Вологодской областей, а также Великоустюгского центрального архива. К сожалению, выявленные документы содержат множество фактографических и смысловых лакун, поэтому полнота биографических данных различна. Наименее информативными оказались документы областных архивов Архангельска и Вологды. Кроме того, во многих случаях искажены имена и фамилии, названия деревень и волостей, классификация кораблей и военных специальностей. По возможности эти данные были уточнены, а ошибки исправлены.

В результате предпринятого архивного и библиографического поиска к настоящему времени выявлены 72 сольвычегодца – участника Русско-японской войны на море. В их числе – уроженцы 15 из 26 волостей уезда. Не вернулись с войны 23 моряка (32%). Нередко они разделяли трагическую судьбу своих кораблей: например, четверо сольвычегодцев погибли в Цусимском бою вместе с эскадренным броненосцем «Император Александр III», из экипажа которого не спаслось ни одного человека. 15 человек было ранено, 29 попало в плен в результате капитуляции Порт-Артура или гибели русских кораблей при Цусиме.

Сольвычегодцы представляли различные морские специальности: матросы, минёры, комендоры, марсовые, рулевые, водолазы, машинисты, кочегары. По имеющимся данным, они служили на 23 кораблях, участвовавших в Русско-японской войне: на 13 кораблях 1-й эскадры Тихого океана и 10 кораблях 2-й эскадры Тихого океана. В основном это корабли I ранга: эскадренные броненосцы, броненосные и лёгкие крейсера. Больше всего сольвычегодцев зафиксировано в экипаже броненосного крейсера «Громобой» – восемь человек. Точное место службы 16 человек пока не установлено.

Все моряки-сольвычегодцы – нижние чины, среди них 21 унтер-офицер. Наиболее высокое звание в годы войны имел боцманмат эскадренного броненосца «Победа» Матвей Афанасьевич Третьяков, а уже после войны до звания поручика по Адмиралтейству (т. е. офицера береговой службы флота) смог дослужиться старший баталёр эскадренного броненосца «Ослябя» Павел Бачурихин [2]. Сольвычегодцы участвовали практически во всех знаковых событиях Русско-японской войны на море: обороне Порт-Артура, походах и боях Владивостокского отряда крейсеров, генеральном морском сражении 28 июля 1904 года в Жёлтом море, Цусим-

ском сражении. И проявили они себя достойными воинами. Свидетельство тому – полученные ими награды.

Самой значимой боевой наградой нижних чинов в те времена считался Знак отличия Военного ордена, более известный как Георгиевский крест. Среди сольвычегодцев этой награды был удостоен 21 человек (29%). Девять награждённых – унтер-офицеры. Большинство георгиевских кавалеров (14 человек) – защитники Порт-Артура. Из служивших на кораблях Владивостокского отряда крейсеров Георгиевских крестов удостоены четверо, из участников Цусимского сражения – трое. Хотя традиции посмертных награждений в царской России не существовало, погибший при Цусиме на эскадренном броненосце «Орёл» уроженец Сольвычегодского уезда, комендор Афанасий Андреевич Чертков был удостоен Знака отличия Военного ордена посмертно [3]. В числе награждённых значатся один кавалер двух степеней (Николай Абакумов) и четверо – трёх степеней (Николай Дементьев, Николай Торопов, Фёдор Юрьев и Иван Юшин). Полных георгиевских кавалеров пока не выявлено. Интересно, что один из героев – уже упоминавшийся Матвей Третьяков – в 1911 году был лишён Георгиевского креста по приговору суда [4], но причины этого решения пока установить не удалось.

Если провести статистический анализ по волостям уезда, то наиболее массово участниками войны представлена Метлинская волость – 19 человек (26%). Объясняется это не только её сравнительно высокой населённостью, но и тем, что волость находилась у слияния Северной Двины и Вычегды, т. е. в зоне наиболее активного речного судоходства, что и предопределяло судьбу местных призывников, нередко шедших во флот. Метлинская волость дала и наибольшее количество георгиевских кавалеров – девять. Самая «геройская» волость – Березонаволоцкая: все четверо моряков из этой волости, участвовавшие в Русско-японской войне, стали георгиевскими кавалерами. В остальных волостях отмечено от одного до шести моряков – участников войны. Две деревни Метлинской волости – Мостовая и Соколов Остров – дали по двое участников войны на море, в том числе деревня Мостовая – двух георгиевских кавалеров (Ивана Бурдакова и Андрея Раздобурдина).

К сожалению, наградные формулировки крайне скупы и в большинстве случаев не дают возможности восстановить точные обстоятельства совершённых сольвычегодцами боевых подвигов. Вместе с тем по датам пожалований иногда можно выяснить, за какие заслуги герои получали награды. Например, кочегарный квартирмейстер эскадренного миноносца «Сильный» Дмитрий Петрович Оленев получил Знак отличия Военного ордена за участие в ночном бою 14 марта 1904 года, когда «Сильному» удалось отразить попытку японских пароходо-брандеров закупорить выход из порт-артурской гавани; а минный машинист эскадренного миноносца «Скорый» Фёдор Андреевич Низовцев удостоился Георгиевского креста за участие в ночной минной постановке с 3 на 4 сентября 1904 года у острова Айрон [5].

Матрос 1-й статьи крейсера «Паллада» Андрей Фёдорович Раздобурдин был награждён Знаком отличия Военного ордена за участие в отражении первого штурма Порт-Артура на редуте № 1 – одном из главных объектов японской атаки [6]. И отдельно следует отметить наиболее яркие военные биографии моряков-сольвычегодцев – участников Русско-японской войны.

Минно-машинный квартирмейстер 2-й статьи Фёдор Дмитриевич Юрьев стал участником одного из наиболее известных морских сражений войны – легендарного боя эскадренного миноносца «Стерегущий» против отряда японских кораблей 26 февраля 1904 года. Родился будущий герой в 1878 году в деревне Алексеевской второй Алексеевской волости, в 1899 году был призван в ряды вооружённых сил. Первые годы службы Ф. Д. Юрьев провёл в Кронштадте, где окончил Минную школу Балтийского флота, а затем был направлен в Квантунский флотский экипаж, размещавшийся в Порт-Артуре, и в 1903 году уже числился в команде «Стерегущего». В знаменитом бою ему наряду со своей военной специальностью довелось исполнять обязанности боцмана. Будучи тяжело раненым осколками неприятельского снаряда, Ф. Д. Юрьев взрывной волной был выброшен за борт, и его в бессознательном состоянии подобрали с воды шлюпкой японского миноносца. Вместе с тремя другими уцелевшими членами экипажа «Стерегущего» он был доставлен в Японию и провёл в плену более полутора лет. По окончании войны моряк вернулся на родину, где стал достаточно заметной фигурой.

Участвовал в становлении советской власти, в годы Гражданской войны избирался председателем Алексеевского волысполкома, позже входил в его состав в качестве члена комиссии по образованию. После организации колхоза «Строитель социализма» до конца дней работал в нём пчеловодом. Умер Ф. Д. Юрьев 15 августа 1938 года [7].

Редчайший случай, но по решению императора Николая II за бой «Стерегущего» Ф. Д. Юрьев получил два Георгиевских креста, причём высших степеней – второй и первой, а за предшествующую боевую службу был удостоен Георгиевского креста третьей степени [8]. Кроме этих наград Ф. Д. Юрьев получил также серебряную медаль «В память русско-японской войны» и крест участника обороны Порт-Артура. Подобная «коллекция» знаков отличия встречается крайне редко. 26 апреля 1911 года в Александровском парке Санкт-Петербурга, недалеко от Петропавловской крепости, был торжественно открыт великолепный памятник «Стерегущему». На обратной стороне монумента дано краткое описание подвига корабля и приведён список экипажа миноносца. Среди навеки запечатлённых в бронзе имён и сейчас можно прочесть имя Фёдора Дмитриевича Юрьева.

Николай Алексеевич Дементьев, артиллерийский кондуктор броненосного крейсера «Баян», родился в 1874 году в деревне Равдуге Метлинской волости. Был призван во флот в 1895 году, закончил Артиллерийскую школу для нижних чинов, и как один из лучших комендоров был принят в класс артиллерийских квартирмейстеров. По завершении обучения стал унтер-офицером, а по окончании семилетнего срока действительной воинской службы остался на сверхсрочную. В конце 1903 года на новейшем крейсере «Баян» прибыл в Порт-Артур. Вместе со своим кораблём он принимал участие в морских боях 27 января, 12 февраля, 31 марта и 10 июня 1904 года на порт-артурском рейде, в бомбардировках позиций японской осадной армии. После подрыва «Баяна» на японской мине был переведён на эскадренный броненосец «Полтава» и участвовал на нём в бою 28 июля 1904 года. Был дважды ранен: в бою 27 января в правое плечо и при бомбардировке крепости 3 августа 1904 года в левую стопу, второй раз – тяжело. После капитуляции Порт-Артура, как инвалид войны (удалена часть костей, не мог владеть левой стопой), отпущен японцами в Россию. За боевые заслуги удостоен знаков отличия Военного ордена 4-й, 3-й и 2-й степеней, причём Георгиевским крестом 4-й степени по ошибке пожалован дважды. Вернувшись на родину, Н. А. Дементьев получал пенсию по инвалидности и назначенную Вологодской казённой палатой солидную пенсию по боевым наградам в размере 60 рублей в год [9]. Дата смерти Н. А. Дементьева неизвестна.

Иван Михайлович Юшин, уроженец деревни Фоминской Березонаволоцкой волости, служил матросом 1-й статьи крейсера I ранга «Паллада» и активно участвовал в обороне Порт-Артура на суше и на море. Находясь в составе десантного отряда крейсера, был тяжело ранен 28 октября 1904 года на знаменитой Курганной батарее и вследствие полученного ранения после капитуляции крепости отпущен японцами на родину. За свои боевые подвиги удостоен трёх Георгиевских крестов, один из которых получил лично из рук императора Николая II при представлении ему в Петергофе 18 июля 1905 года вместе с другими героями войны. Как и Н. А. Дементьев, по ошибке был награждён даже двумя «лишними» Георгиевскими крестами 4-й степени.

Вернувшись на родину, как инвалид войны, помимо наградных выплат получал ежемесячную шестирублёвую пенсию [10].

Машинист крейсера «Россия» Иван Николаевич Попов родился в 1879 году в деревне Фроловской Алексеевской волости. По наступлении призывного возраста в 1900 году призван на действительную военную службу. Первое время И. Н. Попов служил в Кронштадте, где окончил Машинную школу Балтийского флота и получил весьма престижную среди моряков специальность машиниста, которая могла пригодиться и при возвращении к гражданской жизни. Состоял он в 10-м флотском экипаже Балтийского флота, моряками которого комплектовалась, в частности, команда броненосного крейсера «Россия», находившегося тогда во Владивостоке. И. Н. Попов был также направлен к новому месту службы, и 26 ноября 1903 года зачислен в экипаж крейсера «Россия» машинистом 2-й статьи.

«Россия» была флагманским кораблём Владивостокского отряда крейсеров, который совершил в 1904 году 7 боевых походов, потопил 3 военных транспорта, уничтожил 7 парохо-

дов и 5 парусных шхун, захватил 4 коммерческих парохода с военной контрабандой. Этими операциями отряд нанёс существенный ущерб экономике Японии, отвлек на себя значительные силы врага и нарушил ряд планов японского командования. Согласно призовому журналу крейсера «Россия», машинист Иван Попов участвовал во всех боевых походах, имея право на призовое вознаграждение в размере определённой доли стоимости всех захваченных и потопленных судов. За героизм, проявленный в морском бою 1 августа 1904 года, получивший осколочное ранение И. Н. Попов был удостоен Георгиевского креста [11].

Увы, далеко не всем морякам-сольвычегодцам удалось возвратиться на родину. В генеральном сражении 28 июля 1904 года в Жёлтом море при попытке прорыва русской эскадры из Порт-Артура во Владивосток погибли минёр крейсера I ранга «Диана» Николай Говоров и комендор эскадренного броненосца «Пересвет» Василий Гошев. Вышедший навстречу артурской эскадре Владивостокский отряд 1 августа 1904 года вступил в неравный бой с врагом в Корейском проливе, где сложил свою голову марсовый крейсера «Громобой» Александр Лубнин. На береговых позициях Порт-Артура нашёл свою смерть кочегарный квартирмейстер 1-й статьи Егор Мелетин, а уже после капитуляции крепости, 4 января 1905 года, умер от ран квартирмейстер Иван Перевозников.

В трагическом для русского флота Цусимском сражении 14–15 мая 1905 года вместе со своими героически сражавшимися кораблями погибли восемнадцать сольвычегодцев. Сохранившиеся свидетельства позволяют отчасти восстановить обстоятельства их гибели. Так, эскадренный броненосец «Ослябя» уже в начале боя подвергся сосредоточенному обстрелу со стороны восьми кораблей противника. В течение получаса буквально засыпанный снарядами корабль полностью утратил способность к сопротивлению, вышел из строя и затонул. При опрокидывании броненосца заклинило броневые крышки люков, ведущих в машинное отделение. В результате не спасся ни один из машинистов броненосца. Они были заживо погребены в морской пучине, уйдя на дно вместе с кораблём [12]. Среди них – уроженец Федьковской волости, машинист 1-й статьи Дмитрий Фёдорович Рудаков.

Погиб на «Ослябе» и выходец из Метлинской волости, кочегар 1-й статьи Михаил Иванович Ядрихинский. А двум его землякам и сослуживцам – Павлу Бачурихину и Михаилу Кузнецову – удалось уцелеть: они были подобраны с воды русскими миноносцами на месте трагедии. К сожалению, оказать помощь при спасении экипажей других погибавших кораблей в ходе сражения не удалось.

Лишившийся хода в результате попаданий снарядов военный транспорт «Камчатка» был потоплен японцами вечером 14 мая. Из 304 человек экипажа японские миноносцы подобрали только 57 моряков [13]. В числе погибших оказался и уроженец Сольвычегодского уезда, старший водолаз транспорта Василий Алышев. «Камчатка» до конца защищала свой вышедший из строя флагманский корабль – эскадренный броненосец «Князь Суворов».

Расстреливаемый фактически всем японским флотом, превращённый в плавучую грудю металлолома, но проявивший невероятную живучесть корабль к концу боя был торпедирован и затонул. На нём погибло трое сольвычегодцев: Иван Викторов, Николай Нозиков и Василий Третьяков. Эскадренный броненосец «Бородино», долгое время выносивший на себе основную тяжесть сражения, был потоплен одним из последних выстрелов противника. Корабль перевернулся, не выходя из строя, и настолько стремительно, что спастись удалось только одному матросу. Огромный броненосец стал братской могилой для 865 человек [14], в том числе – для трёх сольвычегодцев: Алексея Абабкова, Николая Кузнецова и Семёна Юдина. Ночью японскими миноносцами был торпедирован эскадренный броненосец «Наварин». Из экипажа корабля спаслось лишь трое. В числе погибших на «Наварине» – двое сольвычегодцев: Илья Ерин и Иван Мариев.

Уроженец деревни Насадниково Метлинской волости Сергей Степанович Вахрамеев, кочегар 1-й статьи крейсера I ранга «Светлана», погиб на второй день боя, 15 мая, когда повреждённая накануне и отбившаяся от эскадры «Светлана» вступила в неравный бой с двумя японскими крейсерами. В ходе боя один из снарядов попал в левую среднюю кочегарку, откуда не вышел ни один человек. После затопления расстрелявшего боезапас крейсера команда оказалась в воде. Как вспоминал впоследствии лейтенант «Светланы» А. В. Вырубов: «В осо-

бенности пострадали кочегары и машинисты, которые попали в воду прямо с жары. Страшно было видеть их посиневшие лица, оскалившиеся зубы, судороги сводили их члены. В отчаянии они подплывали ко мне и просили их спасти. Чем мог я им помочь?» [15]. Люди не выдерживали переохлаждения и гибли один за другим. Уничтожившие «Светлану» японские крейсера не стали спасать русских моряков, и спустя несколько часов японский вспомогательный крейсер «Америка-Мару» подобрал уцелевших членов экипажа. Кочегара Вахрамеева среди них не было.

Броненосец береговой обороны «Адмирал Ушаков» 15 мая встретился с двумя японскими крейсерами, каждый из которых в отдельности превосходил «Ушакова» по своим тактико-техническим характеристикам. При таком раскладе сил шансов уцелеть у русского броненосца не было, но даже в безнадёжной ситуации корабль принял бой. На сделанное сигналом предложение японцев сдать корабль броненосец ответил артиллерийским огнём и сам атаковал противника. Однако японцы, пользуясь превосходством в скорости, не допускали сближения и отходили, как только снаряды «Ушакова» начинали ложиться в опасной близости от них. Не допуская русский броненосец на дистанцию действительного артиллерийского огня, они безнаказанно расстреливали его из своих более дальнобойных орудий.

Исчерпав все возможности к сопротивлению врагу, корабль был уничтожен экипажем. Не спуская флага, броненосец перевернулся и пошёл ко дну под громовое «ура» команды. Озлобленные неожиданным сопротивлением японцы продолжали расстреливать спасавшийся на воде беззащитный экипаж корабля, приступив к спасению моряков лишь через несколько часов. Всего из команды «Ушакова» погибли 94 человека [16], в том числе квартирмейстер броненосца, уроженец Семёнковской волости Дмитрий Терентьевич Савостьянов – последняя жертва войны среди моряков Сольвычегодского уезда.

Послевоенные судьбы героев Русско-японской войны по архивным данным удаётся проследить крайне редко. Безусловно, большинство моряков-сольвычегодцев после демобилизации вернулись к привычному крестьянскому труду. Однако на судьбу многих повлияли полученные на флоте навыки. Особо показательна в этом отношении судьба флотских машинистов. Так, машинный квартирмейстер крейсера «Паллада», георгиевский кавалер Иван Ильич Гошев после войны работал слесарем депо на станции Котлас, на той же станции трудился и ранее упомянутый минный машинист эскадренного миноносца «Скорый» Фёдор Андреевич Низовцев [17]. Также упоминавшийся машинист крейсера «Россия» Иван Николаевич Попов стал профессиональным речником, участвовал в Гражданской войне, был капитаном пароходов Северо-Двинской речной флотилии «Какстон» и «Халтурин», а затем свыше двадцати лет водил речные суда по Северной Двине.

К сожалению, неполнота имеющихся данных пока не позволяет провести всесторонний статистический анализ участия моряков-сольвычегодцев в Русско-японской войне 1904–1905 годов. Данная тема требует более глубокой проработки с привлечением дополнительных архивных материалов. Поэтому изложенное в настоящей публикации можно рассматривать только как предварительный результат изучения данного вопроса. При этом следует отметить, что в настоящее время военно-патриотическое воспитание ведётся почти исключительно на примере Великой Отечественной войны, и давно уже пора расширить эту сферу за счёт включения других войн, где также сражались и умирали за Россию наши предки. Тема участия северян в Русско-японской войне 1904–1905 годов достойна того, чтобы разрабатывать её и далее.